

БЕЛЫЙ

ТАНЕЦ

— Нонна Викторовна, мы с вами давно и хорошо знакомы, поэтому надеюсь на откровенный, исповедальный характер разговора...

— Давайте попробуем. Но, как говорится, под вашу ответственность: я могу сболтнуть и лишнее...

— Это меня не пугает. Итак, начнем. Общеизвестно: вы сыграли ряд выдающихся ролей, которые стали классикой кино. И все же встречались на вашем пути не только розы, но и тернии. Чего было больше?

— Всего хватило. Когда сразу после войны я, молоденькая, наивная, в поношенной школьной форме, чуть ли не по шпалам пришла из донской станицы в Москву и увидела у секретарши приемной комиссии ВГИКа накрашенные ресницы, сердце мое чуть не выскочило из груди от счастья. «На-чи-на-ет-ся!» — подумала я. Начинается новая чудесная жизнь, сравнимая с бесконечным праздником.

Но началось совсем другое: хоть и по-своему сладостный, но тяжелый, подчас немилосердный труд, затяжные экспедиции, кочевой полуцыганский быт, торопливая еда в перерывах между съемками. А самое страшное — долгое, выматывающее душу ожидание ролей, которые проходят и проходят мимо...

— Ну вас-то судьба ролями не обидела...

— Поверьте, это одна видимость. Когда еще студенткой я сыграла Ульяну Громову в «Молодой гвардии» и пережила вместе со своими друзьями первый успех, то мне казалось, что отныне так ладненько, складненько жизнь и пойдет дальше. Но отшумела премьера, отзвенели добрые слова в наш адрес, а дальше — тишина. Целых четыре года у меня не то что роли — маленькой ролишки не было. А позже случались простои и по пять, шесть, семь лет... Переживала я со своим неумным характером ужасно, поначалу даже на трибуны выскакивала, клеймила, призывала. И только с годами поняла, что винить-то в этой ситуации некого. Упре-

ТВ Парк. - 1995 - 16 янв. - с 8-9

МОРДЮКОВА

По всем внешним признакам жизнь у нее сложилась более чем удачно. Народная артистка СССР, лауреат всевозможных фестивалей и премий, она, по определению британской энциклопедии «Кто есть кто», вошла в число лучших актрис века, ее именем названа одна из вновь открытых планет... Казалось бы, живи и радуйся, но наш разговор с Нонной Мордюковой получился с едва уловимым привкусом горечи...

кать сценаристов, что они специально для меня ролей не писали? Так они сами люди подневольные. Обвинять режиссеров, что они меня, такую хорошую, в картины свои не брали? Так ведь насильно мил не будешь.

— Но актриса всегда вправе предложить себя на роль...

— Что вы, я не представляю «белого танца» во взаимоотношениях актрисы и режиссера. Мне кажется, что раз я есть, то кто-то должен сам меня найти, оценить мое трудолюбие, мою преданность кино, мою способность «химичить» с ролью. С другой стороны, для режиссера поиски, выбор актрисы — это своего рода таинство, сравнимое с таинством зарождения любви. В этот момент дать понять постановщику, что ты не прочь сыграть в его фильме — все равно, что предложить ему себя как женщину. Я, видно, иначе воспитана. Не потому ли за всю свою долгую и трудную жизнь в кино всего-то шесть — восемь стоящих ролей сыграла?

ПРОЗА

ЖИЗНИ

— Но природа, как известно, не терпит пустоты. Когда выпадает творческая пауза, чем ее заполняете?

— Когда была помоложе, с фильмами по городам да весям моталась, деньги творческими встречами зарабатывала. Сейчас ни того здоровья, ни тех потребностей нет. Времени свободного стало больше. Когда есть настроение, пишу воспоминания о своем детстве, о людях, которых встретила на жизненном пути. Большей же частью просто живу: смотрю телевизор, с подругами и родней общаюсь, случается, болею.

— Что-то такой образ жизни не очень согласуется с представлениями об имидже звезды. Зрители, небось, предполагают, что вы все больше по фестивалям ездите да деньги лопатой гребете...

— На фестивали, случается, езжу, но от людских пересудов Бог меня миловал. Может, потому, что я всю жизнь играла героинь из народа — Степанид, Глафир, Матрен, зрители никогда не считали меня избалованной кинозвездой, живущей ка-

кой-то особой жизнью. Не дежурили под моими окнами, платя на сувенирные лоскуты не рвали, не пытались душисть в приступах восторга. Встретят в магазине: «Ой, вы не Нонна Мордюкова случайно?» — «Я самая», — говорю. — «И вы сами ходите в овощной?» — «Вы же вместо меня ходить не будете», — отвечаю.

Я ведь все делаю в доме сама: и квартиру убираю, и окна мою, и стираю, и готовлю. И потрудились я на своем веку не меньше моих героинь. Помню, еще маленькой была, а уже в поле тяжело работала, за скотиной смотрела, ведра тяжеленные с водой носила. А тут братья и сестры пошли младшенькие. Я их и на закорках таскала, и нянчилась, и сопли им вытирала.

А выросла, институт закончила — так ведь опять старшая. Родителей мы рано лишились, вот и тянула братьев, сестер «в люди». Кому замуж пора, кому кофту новую приспичило, кому лекарств достать надо, кого в больнице навестить. Так что какая уж там шикарная жизнь. Вполне обыкновенная трудовая биография, подкрепленная средненьким достатком, — почти как у основной массы зрителей.

— Но почему, Нонна Викторовна? Ведь возможности заработать, обжиться у вас были?

— Почему, почему... Да по дурости. По неталантливости своей в смысле накопления благ. В нашей стране, если человек хотел что-то иметь, надо было жить «под карандаш» — того себе не позволить, этого... А мне напрочь Бог такого дара не дал. Деньги я считать не умела и не умею. Тому поможешь, этому, потом засовываешь руку в сумочку — а там последняя мятая бумажка...

И еще... Я ведь всю жизнь сама на себя зарабатывала — мне ни один мужчина никогда зарплату на стол не положил...

— А ваш бывший муж Вячеслав Тихонов? По моим бытовым понятиям, он не принадлежит к породе бедствующих актеров...

— Может, сейчас он и обжился, а мы с ним до больших денег, до внешней респектабельности дотянуть не успели. Спали с ребенком в проходной комнате, через нас люди чужие десять лет ходили. Когда развелись — и делить ничего не пришлось.

ОЖИДАНИЕ СЧАСТЬЯ

— Простите за прямой вопрос: а почему вы развелись?

— Вот всем интересно про нашу семейную жизнь с Тихоновым расспросить. А я уже и лицо его забывать стала... Да что говорить долго — не подходили мы с ним друг другу. Слишком разными мы на поверку людьми оказались, как будто занесло нас на одни квадратные метры с двух разных планет.

— И тем не менее, насколько мне известно, вы прожили целых тринадцать лет...

— Стыдно было расходиться — вот и весь сказ. Тогда же времена другие были, иначе на эти вещи смотрели. Да и ребенок подрастал. А тут еще мама... Приедет с Кубани в Моск-

жья мне все какие-то несостоявшиеся, инфантильные попадались. Настоящий же мужчина — чтоб внимательный был, да чтоб часть семейной ноши на свои плечи взял — так и не подыскался. Ну и ладно, переживали и большую беду.

— Завершая разговор, задам главный вопрос, вокруг которого мы так или иначе сегодня крутились: можете ли вы сказать о себе, что как актриса, как женщина родились счастливой?

ву, а я плачу в голос: «Ой, мамочка, хочу развестись». А она в ответ причитает: «Не бросай, доча, а то останешься на всю жизнь одна». Мама опытный, прозорливый человек была, она своим женским чутьем понимала, что честности, стабильности у мужа моего не отнять. Он не выпивал, по сторонам не смотрел... Но только мама умерла — мы с ним через два дня после ее похорон и расстались. Подозреваю, он вздохнул с облегчением, когда снова женился, на этот раз на «своей» женщине. А я свою пару так и не нашла.

— Честно говоря, это для меня полная загадка. Такая красивая, знаменитая женщина...

— Как говорится, не родись красивой, а родись счастливой. Были у меня и женихи, и замуж (правда, без ЗАГСа) я не раз выходила, да все неудачно. Му-

— Если честно, то мне кажется, что нормальный человек не может сказать про себя, что он абсолютно счастлив. Даже тот, чья жизнь похожа со стороны на ровную дорогу или на речку бескучную. Счастье — оно как зарница: полыхнет, захватит полнеба и... погаснет. И жди опять годами, когда еще раз полыхнет...

Я ждать пока не устала...

Вел беседу Леонид Павлючик

